

«Высшая лига»

ОЛИМПИАДА СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ

Методические рекомендации и демонстрационная версия заключительного этапа по направлению «Филология»

Тематика заданий

История русской литературы, история зарубежной литературы, теория литературы.

Информация о первом (отборочном) этапе

Продолжительность состязания – 60 минут.

Задание первого (отборочного) этапа включает 15 тестовых вопросов с автоматической проверкой ответов. Вопросы относятся к фактам истории русской и зарубежной литературы XVIII – XX вв., а также к содержанию основных филологических теорий и концепций (компаративистика, формализм, структурализм, рецептивная эстетика, теория литературного поля, литературного канона и др.). Правильный ответ на каждый вопрос оценивается в 6-8 баллов. В сумме участник может набрать 100 баллов. Язык изложения – русский.

Информация о втором (заключительном) этапе

Продолжительность состязания – 180 минут.

Задания второго (заключительного) этапа состоят только из инвариантной части, в которой участнику предлагается 1) дать развернутый ответ на вопрос (максимальная оценка – 35 баллов); 2) прокомментировать высказывание (максимальная оценка – 35 баллов); 3) резюмировать (по-русски) фрагмент текста на иностранном языке (максимальная оценка – 30 баллов). Языки изложения заданий – русский, английский, немецкий, французский.

Демонстрационный вариант второго (заключительного) этапа

1. Дайте развернутый ответ на один из вопросов.

1. Если бы вам пришлось составлять проект истории русской литературы XIX века, на какие теоретические подходы и концепции вы бы опирались? На каких аспектах литературного процесса вы бы сосредоточились в первую очередь? Обоснуйте вашу позицию.

2. Нужны ли сейчас комментированные академические собрания сочинений известных писателей? Хотели бы вы сами принять участие в таком проекте? Аргументируйте ваш ответ.

3. Какие иностранные авторы (классики и писатели XX века) наиболее активно переводились и изучались в СССР в 1930-е – 1980-е гг.? Приведите и прокомментируйте не менее двух примеров.

«Высшая лига»

ОЛИМПИАДА СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ

2. Выберите одно из предложенных высказываний и прокомментируйте его: поясните и контекстуализируйте позицию автора, а также изложите вашу точку зрения на затронутую проблему. Рассуждения проиллюстрируйте примерами из конкретных художественных произведений.

Фрагмент 1

Блока мало кто знал. Как человек он остался загадкой для широкого литературного Петрограда, не говоря уже о всей России.

Но во всей России *знают* Блока как человека, твердо верят определенности его образа, и если случится кому увидеть хоть раз его портрет, то уже чувствуют, что знают его досконально.

Откуда это знание?

Здесь, может быть, ключ к поэзии Блока; и если сейчас нельзя ответить на этот вопрос, то можно, по крайней мере, поставить его с достаточной полнотой.

Блок — самая большая лирическая тема Блока. Это тема притягивает как тема романа еще новой, нерожденной (или неосознанной) формации. Об этом *лирическом герое* и говорят сейчас.

Он был необходим, его уже окружает легенда, и не только теперь — она окружала его с самого начала, казалось даже, что она предшествовала самой поэзии Блока, что его поэзия только развила и дополнила постулированный образ.

В образ этот персонифицируют все искусство Блока; когда говорят о его поэзии, почти всегда за поэзией невольно подставляют *человеческое лицо* — и все полюбили *лицо*, а не *искусство*.

(Ю. Н. Тынянов, «Блок»)

Фрагмент 2

Художественный текст любой эпохи — особый мир, живущий по своим законам, которые с течением времени сменяются другими и становятся «непонятными». Нет ничего ошибочнее и наивнее столь часто встречающихся попыток найти здесь намеренную «загадку», «тайну», «шифр». Загадки в старинных текстах встречают нас на каждом шагу, — но они созданы не писателем, а временем. Нужно лишь правильно поставить вопрос, чтобы получить от самой истории правильный ответ — и в этом задача и искусство комментатора.

(В. Э. Вацура, «Записки комментатора»)

Фрагмент 3

Символическая власть и символический капитал приобретаются соблюдением правил игры автономного поля. Символическая власть противопоставлена всем формам гетерономной власти, доступ к которым писатели и художники и, шире, все держатели символического капитала — эксперты, администраторы, инженеры, журналисты — могут получить в награду за оказываемые властям услуги (особенно за участие в воспроизводстве существующего символического порядка). Влияние

«Высшая лига»

ОЛИМПИАДА СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ

гетерономной власти ощущается в самой сердцевине культурного поля: агенты, наиболее преданные автономным истинам и ценностям, существенно ослаблены вероломством «пятой колонны» писателей и художников, уступивших давлению внешнего спроса. Автономные производители часто просто-напросто отказываются признать за гетерономными статус писателя или художника: таким образом, борьба между «художниками» и «буржуа» приобретает, внутри поля производства культуры, вид внутреннего конфликта...

(П. Бурдые, «Поле литературы»)

3. Прочитайте текст на том иностранном языке, которым вы владеете (английский, французский или немецкий) и резюмируйте его содержание (на русском языке). Обратите внимание на проблемы и задачи, которые ставит автор, на логику аргументации, основные выводы и положения текста.

Английский язык

David L. Cooper

«Vasilii Zhukovskii as translator and the protean Russian nation» (2011)

Translation is an activity that involves mediation between national languages, national literatures, authors, and peoples. Studies of translation frequently consider the influence of one author upon another (the translator) or of one literary tradition upon another. But mediation also implies a resistance, from the resistance of the target language to certain forms of the original language, to the resistance in the target culture to forms or practices in the culture of the original work. As Antoine Berman writes in his model study of the German romantics' ideas on translation, "every culture resists translation, even if it has an essential need for it. The very aim of translation – to open up in writing a certain relation to the Other, to fertilize what is one's Own through the mediation of what is Foreign – is diametrically opposed to the ethnocentric structure of every culture, that species of narcissism by which every society wants to be a pure and unadulterated Whole. There is a tinge of the violence of crossbreeding in translation." The translator, in fulfilling the cultural need for translation, works within the context of cultural resistance to translation: "Cultural resistance produces a systematics of deformations that operates on the linguistic and literary levels, and that conditions the translator, whether he wants it or not, whether he knows it or not" (1992: 4, 5). It is possible for this cultural resistance to dominate the translation practice of a given time and place, for translation to become an ethnocentric appropriation where no quarter is given to the difference of the Other. Such was, in the estimation of the German romantics, the translation practice of the French in the eighteenth century.

August Wilhelm Schlegel observed that "other nations have adopted a totally conventional phraseology in poetry, so that it is totally impossible to make a poetic translation of anything whatsoever into their language – French is an example. <...> It is as if they wanted every foreigner among them to behave and to dress according to the customs of the land, and that explains why they never really get to know the foreign"

«Высшая лига»

ОЛИМПИАДА СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ

(Berman 1992: 36). In contrast, for the German romantics getting to know the foreign, whether through translation or other means, was essential to the development of culture, to *Bildung*, and they articulated ideas of translation that emphasized the opening of the native literature to otherness (43–52).

Zhukovskii enters the Russian literary scene at a time when the Russian resistance to French cultural and literary practices and the demand for a native culture is about to rise dramatically. There is a profound tension between the growing resistance to cultural cross-breeding and the desperate need for new forms and the productive fertilization translation provides. In his writings on translation and in his evaluation of his own translation practice, Zhukovskii responds to both of these conflicting poles, seeking a way to inscribe a distinct identity while maintaining an intimate relationship with the foreign. In dialogue with Nikolai Gogol in the 1840s, responding to his first reading of Gogol's *Selected Passages* with its interpretations of his particular genius as a writer (to which we shall return), Zhukovskii says of his methods, "I have often noted that I have the clearest thoughts when I have to improvise them in expressing or supplementing others' (*chuzhikh*) thoughts. My mind is like a flint that has to be struck upon a stone in order that sparks fly from it. That is in general the character of my authorial creativity; with me everything is either another's (*chuzhoe*) or apropos of another's; and everything is, nonetheless, mine (*moe*)" (Zhukovskii 1960: 4: 544). This mature self-evaluation responds to a lifetime of critical evaluations, some of which harshly criticized Zhukovskii for the prominent role of translation in his creative work and for introducing a foreign spirit into Russian letters.

Французский язык

Véronique Jobert

«Pratique du multilinguisme dans une correspondance privée russe au xxe siècle: Formes et fonctions» (2013)

Au XIXe siècle en Russie, le fait de parler au moins une langue étrangère, le français avant tout, était le signe d'appartenance à l'élite du pays, la noblesse d'abord, et par la suite plus largement l'intelligentsia. Dans les familles russes de ceux qui deviendront après la Révolution les ci-devant (*byvšie*), les enfants apprenaient dès leur enfance le français, et/ou l'allemand et l'anglais. Pour ce faire, des gouverneurs et des gouvernantes, français ou suisses et anglais, étaient engagés et vivaient au sein des familles. Les enfants étaient souvent même tenus de parler entre eux dans une langue étrangère. La pratique des langues étrangères, du français notamment, confinait parfois à l'absurde, le russe n'étant guère employé que pour s'adresser aux domestiques et aux gens du peuple. Ces pratiques sont largement attestées dans la littérature russe du XIXe siècle. Presque tous les écrivains russes parsèment leurs œuvres de citations en français. Nous avons tous en mémoire le début du célèbre roman de Lev Tolstoj (1828-1912) *Guerre et paix*: «Eh bien, mon prince. Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья de la famille Buonaparte». On notera au passage l'utilisation du mot russe *pomest'ja*, censé en l'occurrence donner l'équivalent russe du terme « apanages » et en préciser le sens dans le contexte russe. Le

«Высшая лига»

ОЛИМПИАДА СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ

bilinguisme de la société cultivée russe et plus particulièrement des écrivains, qui se nourrissent de littérature française et prennent souvent pour modèle des Français, est incontestable. Pour beaucoup de représentants de la noblesse cultivée, il s'agit même de multilinguisme. Venjamin Petrovič Semenov-Tjan-Šanskij (1870-1942) évoque ainsi son professeur préféré, le climatologue Aleksandr Ivanovič Voejkov (1842-1916): «Comme il possédait des dons exceptionnels pour les langues étrangères, et qu'il en connaissait un grand nombre, il n'arrivait absolument pas à comprendre pourquoi d'autres les apprenaient avec tant de mal et il maugréait à ce propos contre certaines personnes de son entourage proche ».

Ce qui, en Russie au XIXe siècle, était une pratique courante n'a guère perduré sous le régime soviétique, pour des raisons évidentes, liées au contexte politique. Il faut en effet rappeler qu'avec l'instauration du régime soviétique, progressivement, au fur et à mesure que les frontières de l'État soviétique se ferment, réduisant de plus en plus les contacts avec l'étranger, la pratique des langues étrangères se limite à quelques cas isolés. Qui plus est, dans un pays où le pouvoir est prompt à voir des ennemis et des espions partout, la connaissance ou la pratique de langues étrangères rendent suspecte la personne en question.

Un corpus exceptionnel constitué par 312 lettres écrites entre 1927 et 1933 donne un aperçu de la pratique du multilinguisme conservée par une vieille dame de la noblesse russe dans sa correspondance. La correspondance d'Ol'ga Aleksandrovna Tolstaja-Voejkova est de ce fait un cas sans doute unique qu'il est difficile de rattacher à un contexte général. Tel est l'objet de cet article. Après avoir défini le cadre de cet échange épistolaire, nous procéderons à un inventaire détaillé des procédés employés. Enfin, nous chercherons, par l'analyse des circonstances du recours à des langues étrangères plutôt qu'au russe et des formes qu'il revêt, à déterminer les raisons de ce choix, les motivations de l'épistolière et *in fine* à suggérer quelles fonctions assument les langues étrangères dans cette correspondance.

Немецкий язык

Heinrich Kirschbaum

«Im Harem des Imperiums. Die "Fontäne von Bachčisaraj", die "Krimsonette" und der russisch-polnische Orientalismus» (2009)

In den 1820er und 1830er Jahren, als der Prozess der Erfindung der Nationen in die entscheidende Phase eintritt, gerät die imperiale Expansionspolitik Russlands zunehmend ins Kreuzfeuer der Kritik. Die russische Staatsmacht sucht nach einer Rechtfertigung in Form einer realpolitisch tragfähigen und historiosophisch fundierten Staatsdoktrin. Neben den erfolgreichen Eroberungen im Süden bildet vor allem der innen- und außenpolitische (Problem-) Fall Polen eine besondere Herausforderung für diese Apologetik. Dieser stellt sich die russische Dichtung. In der polnischen Literatur wird dagegen parallel die Konstruktion eines Phantoms „Polen“ anvisiert. Die wichtigsten Akteure dieses poetisch-politischen Wettrennens sind der polnische Dichter Adam Mickiewicz (1798-1855) und sein russischer Freund Aleksandr S. Puškin (1799-1837). Der

«Высшая лига»

ОЛИМПИАДА СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ

intertextuelle Dialog zwischen den beiden Dichtern, die sich selbst zunehmend als nationale definieren, schafft einen rhetorischen Raum, in dem sich die (anti-)kolonialen Diktionen reziprok herausbilden. Diese intertextuelle Beziehung kulminiert nach den Ereignissen von 1830/31: In seinem *Ustęp [Digression]* zum dritten Teil des Poems *Dziady [Die Ahnenfeier, 1832]* entwirft Mickiewicz eine bissige Invektive gegen das Russische Reich, worauf Puškin in seinem Poem *Mednyj Vsadnik [Der eherne Reiter, 1832]* mit einer Apologie des Imperiums antwortet.

Am Anfang dieser dramatischen Beziehungen der beiden Dichter, die von poetischen Freunden zu politischen Feinden wurden, stehen zwei Texte aus der Mitte der 1820er Jahre. 1822-24 veröffentlicht Puškin seine in der Verbannung im Süden Russlands geschriebenen orientalischen („südlichen“) Poeme *Kavkazskij plennik [Der Gefangene im Kaukasus, 1821-22]* und *Bachcisarajskij fontan [Die Fontäne von Bachcisaraj, 1823]*. 1826 schreibt der nach Russland verbannte Mickiewicz, in polemischer Anlehnung an Puškins Südliche Poeme, die *Sonety Krymskie [Krimsonette, 1826]*, die seinen Ruf als Romantiker in Ruhm verwandeln. Die wichtigsten biographischen und bibliographischen Aspekte und intertextuellen Konvergenzen wurden in der Forschungsliteratur bereits herausgearbeitet und zum Teil gedeutet; dabei wurden sie allerdings kaum bzw. nur indirekt im Lichte der oben skizzierten postkolonialistisch zu interpretierenden Spannung zwischen den beiden Dichtern perspektiviert.

Im Folgenden werden anhand dieser frühen intertextuellen Begegnung von Mickiewicz und Puškin einige Besonderheiten der polnisch-russischen (anti-)kolonialen Rhetorik und ihrer reziproken Beziehung diskutiert. Dadurch soll geprüft werden, inwieweit die Verbindung von postkolonialistischen und intertextuellen Ansätzen produktiv werden kann. Es gibt andererseits keine Literarizität und keine Intertextualität ohne 'Kontext': Sowohl für die Text Produktion als auch für die Text-Rezeption und -Interpretation ist die Position des Sprechenden bedeutungskonstitutiv; umso mehr in der Zeit der Romantik, in der die Literatur programmatisch vor dem Hintergrund der Biographie des Dichters geschaffen und gelesen wird. Die Modellierung der eigenen Biographie nach dem Vorbild anderer wird für das (Selbst-)Verständnis der Romantiker immer wichtiger. Im Falle von Mickiewicz und Puškin fallen diese biographischen Strategien zusätzlich in eine Zeit, in der sich die Wechselbeziehungen zwischen Poesie und Politik intensivieren. Im Folgenden wird daher indirekt versucht, zur Wiederbelebung einer verdrängten bzw. tabuisierten Tendenz in den modernen philologischen Kulturwissenschaften beizutragen, welche man als "Zurück zum Biographismus!" bezeichnen könnte. Dabei soll es um die Einbeziehung biographischer Fakten in die jeweilige Interpretation - hier eine postkolonialistisch-intertextuelle - gehen. Außerdem sollen die sich bei der Untersuchung des polnisch-russischen Orientalismus in der ersten Hälfte des 19. Jh.s ergebenden Probleme herausgearbeitet werden. Die Bezeichnung „russisch-polnischer Orientalismus“ beinhaltet dabei die zentrale These, dass es zu einer essenziellen Schnittmenge und Interferenzen zwischen dem polnischen und dem russischen orientalistischen Diskurs gibt und zum anderen, dass die jeweiligen Diskurse u. a. das (anti-)imperiale Verhältnis von Polen und Russland zum Thema haben.

Критерии оценивания

Для первого блока:

- Самостоятельность и оригинальность мышления (10 баллов);
- Умение интерпретировать текст (7 баллов);
- Знание научной литературы (5 баллов);
- Знание современного гуманитарного российского и зарубежного контекста (3 балла);
- Умение формулировать и грамотно излагать свои мысли (10 баллов).

Для второго блока:

- Самостоятельность и оригинальность мышления (10 баллов);
- Умение интерпретировать текст (7 баллов);
- Знание научной литературы (5 баллов);
- Знание современного гуманитарного российского и зарубежного контекста (3 балла);
- Умение формулировать и грамотно излагать свои мысли (10 баллов).

Для третьего блока:

- понимание иноязычного научного текста, адекватность изложения содержанию реферируемого отрывка (8 баллов)
- владение навыками реферирования научного текста, логика изложения и аргументация (8 баллов)
- знание научного контекста (6 баллов)
- умение формулировать и грамотно излагать свои мысли (8 баллов)

Список рекомендуемой литературы для подготовки

1. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989.
3. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М., 2017.
4. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
5. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
6. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989 (или любое другое издание).
7. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1–3. М., 1997.
8. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978.

9. *Зенкин С.* Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
10. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX вв. М., 2001.
11. *Зорин А. Л.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М., 2016.
12. *Калашникова Е.* По-русски с любовью. Беседы с переводчиками. М., 2008.
13. *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.
14. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010.
15. *Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. Vol. 7—8. P. 47—82 (есть переиздания).
16. *Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г.* Диалог с экраном. Таллинн, 1994.
17. *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
18. *Лотман Ю. М.* О русской литературе. СПб., 1997.
19. *Минц З. Г.* Избранные труды: В 3 кн. СПб., 1999–2004.
20. *Немзер А. С.* Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998.
21. *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
22. *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
23. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
24. *Чудакова М. О.* Избранные труды: Литература советского прошлого. М., 2001
25. *Чуковский К. И.* Высокое искусство. М., 2001.
26. *Шапир М. И.* Universum versus. Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII – XX веков. Кн. 1. М., 2000.
27. *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М., 1983.
28. *Щеглов Ю. К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.
29. *Эйхенбаум Б. М.* О прозе Л., 1969.
30. *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.* М., 1994.
31. *Яacobсон Р. О.* Работы по поэтике. М., 1987.

Интернет-ресурсы

Фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ): <http://www.feb-web.ru/>
Электронная библиотека ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом): <http://lib2.pushkinskijdom.ru/>
Просветительский проект «Арзамас»: <http://arzamas.academy/>
«Журнальный зал» <https://magazines.gorky.media/>